

РЕГИОНЫ ЕВРОПЫ В ИСТОРИОСОФСКОМ ТРАКТАТЕ В.И. ЛАМАНСКОГО «ТРИ МИРА АЗИЙСКО- ЕВРОПЕЙСКОГО МАТЕРИКА»

© 2019 г. М.А. Робинсон

Д-р ист. наук, руководитель центра Института славяноведения РАН

E-mail: m.a.robinson@mail.ru

Книга В.И. Ламанского появилась в 1892 г., и ее можно назвать последним историософским сочинением славянофильского направления в русском славяноведении. Важнейшей задачей этого сочинения являлось продолжение в новых условиях развития основных теоретико-методологических концепций славянофильства и аргументированное доказательство их незыблемости. Одной из главных целей труда стало определение границ греко-славянского мира, соотношение этих границ с миром романо-германским. Ламанский, оставаясь, безусловно, сторонником разделения романо-германского (католического-протестантского) и Среднего (православного) миров, постарался увидеть не только то, что их разделяло, но и то, что их объединяло. Поставить такую новую для славянофильского направления задачу Ламанского заставляла необходимость теоретически обосновать отделение мира Среднего от окружающего его азиатского мира.

The book by Vladimir I. Lamansky appeared in 1892, and could be called the last historiosophical work of the Slavophile direction in Russian Slavic studies. The most important task of this work was the continuation of the development of the basic theoretical and methodological concepts of Slavophilism under the new conditions and reasoned proof of their inviolability. One of the main goals of the work was the definition of the boundaries of the Greco-Slavic world with the Romano-Germanic world- Lamansky as the partisan of the division of the Romano-Germanic (Catholic and Protestant) world from the Middle (Orthodox) one, strove not only to see the division lines, but also their common grounds. The need of giving theoretical foundations from the separation of the Middle World from the Asiatic surrounding made Lamansky to pose such a new task for the Slavophile direction

Ключевые слова: Ламанский, славяноведение, славянофильство, романо-германский мир, греко-славянский мир, Средний мир, Европа.

Keywords: Lamansky, Slavic studies, Slavophilism, Romano-Germanic world, Greco-Slavic world, Middle World, Europe.

DOI: 10.31857/S0869544X0004717-1

В. И. Ламанский, «патриарх русского славяноведения», на протяжении 33 лет возглавляя кафедру славянской филологии С.-Петербургского университета, создал целую школу, представители которой заняли ведущее положение в русском славяноведении и не только. Среди ученых, причислявших себя к ученикам Ламанского¹, трое стали академиками, причем двое одновременно со своим учителем, который был избран в 1900 г. Так, специалист по истории древнерусской литературы и фольклору И. Н. Жданов избран в 1899 г., византист Ф. И. Успенский в 1900 г., а историк церкви И. С. Пальмов в 1916 г.

Первым славистом, подготовленным Ламанским, был Ф. Ф. Зигель, именно ему остальные ученики доверили поднести сборник, подготовленный к 25-летию научной и преподавательской деятельности учителя [2]. В письме Ламанскому от 21 мая 1883 г. Зигель выделял то основное, что почерпнули они у учителя: «...мы обязаны Вам надлежащим пониманием отношений Романо-германской цивилизации к Славянству» [3. Л. 7]. «Действительно, — подчеркивал Зигель, — только у Вас одних можно найти ясную постановку вопроса о признаках обеих цивилизаций. Все Ваши предшественники, включая сюда и Хомякова, довольствовались каким-то мистическим отношением к Славянству, а о православии употребляли туманные выражения вроде “высота просветительских начал православия”, и не думая заняться анализом этой высоты» [3. Л. 7–7об.]. Зигель отметил два важнейших теоретических положения славянофильства — противопоставление германской и славянской «цивилизаций», основанное на принадлежности народов, относящихся к ним, к разным христианским конфессиям.

Продолжая развивать основные постулаты славянофильства, Ламанский воплотил свои размышления о прошлом, настоящем и будущем не только славянских народов, но и мировой цивилизации в целом в книге «Три мира Азийско-Европейского материка». Эта работа, опубликованная в 1892 г., представляет собой последний историософский трактат славянофильства. В нем Ламанский, выстраивая свою систему доказательств, постоянно возвращался к ее положениям, снабжая их дополнительными аргументами, поэтому считаем необходимым обращаться к цитированию текстов ученого, дабы полнее представить его взгляды.

«Вглядываясь ближе во внешний вид, состав населения и историко-культурный характер Азийско-Европейского материка, — писал ученый, — мы заметим в нем три крупные части, три великие отдела или мира, каждый со своими, исключительно ему свойственными, географическими, этнологическими и историко-культурными особенностями» [4. С. 2]

Для Ламанского аксиома — взгляд на историю человечества как историю самостоятельно развивающихся миров и, прежде всего, романо-германского (католического и протестантского) и греко-славянского (православного). В своем труде ученый стремился применить это положение ко всем народам Евразийского континента, попытался выявить и объяснить специфику каждого из обозначенных им трех «миров»: «Европы», «Среднего мира» и «Азии»².

¹ См., например, список инициативной группы ученых, участвовавших в подготовке издания к 25-летию «ученой и преподавательской» деятельности В. И. Ламанского [1. С. 4].

² В данном сообщении мы не будем рассматривать аргументацию Ламанского о границах Среднего мира и мира Азии. См. подробно [5. С. 95–96.]

Собственно греко-славянский мир ученый определял как «Средний мир, т.е. не настоящая Европа и не настоящая Азия» [4. С. 3]. Одну из основных задач своего исследования Ламанский видел в определении границ Среднего мира. Ибо, как писал ученый: «Вступая в пределы этого Среднего мира из Азии, мы должны сказать, что тут Азия кончается, но Европа еще не начинается; точно также вступая в него из Европы, мы вправе сказать: здесь кончается Европа и еще не начинается Азия» [4. С. 3]. «По мере удаления нашего, — продолжал Ламанский, — от центров чисто европейских или чисто азиатской жизни и образованности мы приближаемся к тем странам Европы и Азии, которые, включая в себе много элементов чисто европейских и чисто азиатских, имеют, однако, в общем свой особый тип, носят на себе особый характер. Этот тип или характер довольно резко отличает эти страны от собственной Европы и от собственной Азии» [4. С. 3].

Стержнем греко-славянского Среднего мира Ламанский, безусловно, считал Россию. С географической точки зрения он видел ее особенности в том, что на «огромном просторе сплошной массы равнин высокие горные хребты встречаются, за исключением сравнительно невысокого и во всяком случае не непрерывного горного хребта Уральского, только на окраинах, а видные полуострова имеются собственно лишь на крайнем севере и востоке (Чукотская земля и Камчатка) и юго-западе (Крым). Этим отсутствием богатых расчленений Россия резко отличается от европейского запада» [4. С. 15]. Подобные наблюдения ученый относил и в целом к характеристике Среднего мира, который «в сравнении с собственно Европою [...] отличается крайнею скудостью берегового развития. Другое важное отличие Среднего мира от собственной Европы [...] состоит в преимущественном богатстве его огромными сплошными равнинами и в нахождении высоких горных хребтов преимущественно на окраинах...» [4. С. 45–46].

Ламанский задавался вопросом: «Но где границы этого Среднего мира на западе, в так называемой Европе?». Обращаясь к географическим и историко-культурным особенностям европейской части России, Ламанский писал: «Здесь на пространных равнинах между Белым, Балтийским и Черным морями, между Уралом и Карпатами сильнейшая народность славянского племени образовала и развила свою государственность, свою речь и образованность, и при всей своей относительной юности, сравнительно с Европою и с Азией, имеет тысячелетнюю непрерывную историю» [4. С. 16].

Безусловно, основной задачей, которую перед собой ставил Ламанский, было доказать единство славянства в рамках Среднего мира. Это обстоятельство заставляло ученого отодвинуть на второй план вопрос о конфессиональных различиях среди самих славян, принципиально важный в славянофильской концепции, и выдвинуть на первое место вопросы этнического родства. В качестве аргументов для отделения от Европы этого ее обширного региона ученый обращался к аргументам историческим, политическим, этническим и психологическим, утверждая, что славяне, обращенные «в западное христианство, как поляки, словаки, чехи, мораване, словенцы и хорваты, резко отделяются от своих западных соседей единоверцев, немцев и итальянцев, глубокою взаимною антипатиею, разностью языков и характеров, противоположностью национальных интересов. Напротив, с своими восточными соседями русскими, сербами, болгарами они тесно связаны общностью исторических

судеб, культурных и национальных интересов, величайшим сходством языков и нравов» [4. С. 22–23].

Чтобы окончательно утвердить невозможность относить регионы, населенные не православными западными славянами к Европе, ученый приводил один из излюбленных аргументов славянофильства — опасность немецкой экспансии. Он утверждал, что у западных славян «...есть одно общее им всем крепко связующее их воззрение на западного их соседа немца и глубокое к нему, веками оправданное, недоверие и нерасположение». И на основании всего вышеизложенного Ламанский делал вывод: «Все эти данные и соображения заставляют все западные славянские земли, с точки зрения этнологической и историко-культурной, отделять от собственной Европы и относить заодно с Россией и с землями ей единоверными как единоплеменными, так и иноплеменными, к так названному нами миру Среднему» [4. С. 24].

В данном случае Ламанский вносил серьезные коррективы в концепции славянофильства. Традиционно считалось не только идеологами славянофильства, но и в славянофильской среде профессиональных ученых, что принадлежность к различным христианским конфессиям разъединяет даже славянские народы. На этом основании утверждалось, что католическая Польша предала свою славянскую природу. Как, например полагал А.Ф. Гильфердинг, «Польша совершила “историческую измену” славянскому делу» [6. С. 281]. Она сделалась «носителем “чуждых славянскому племени исторических начал”» [6. С. 282]. Да и сам Ламанский в начале 60-х годов XIX в. высказывал чрезвычайно резкие суждения о вредоносной роли католицизма для поляков — «католицизм растлил у них и сердце и ум» [7. С. 93]. Отрывая польские земли от романо-германского мира, ученый считал актуальным поддерживать борьбу поляков в Пруссии против попыток их онемечивания, напоминая: «... мы нередко забываем возблагодарить их за услуги, в разное время ими оказанные славянству, когда они боролись с германизмом...» [4. С. 22]. Заметим, однако, что и через два десятилетия после выхода трактата Ламанского среди славистов оставались ревностные приверженцы славянофильства прежних подходов. Так, Т.Д. Флоринский решительно отделял Польшу от греко-славянского мира. Он полагал, что чуждое влияние «усвоено и переработано поляками, так сказать, органически, в плоть и кровь. Таким образом, Польша, оставаясь славянской, сделалась в то же время членом романо-германской семьи народов» [8. С. 119].

Ламанский самым тщательным образом прочерчивал на Европейском континенте границу, которая, по его мнению, разделяла миры романо-германский и греко-славянский, при этом границам существующих государств, кроме Российской империи, он значения не придавал. Если, по его мнению, «политические границы России со Швецией и Норвегиею почти совершенно совпадают с этнологическими и историко-культурными границами Среднего мира от собственно азиатского и собственно европейского, то на прочем западе и юге эти европейские границы Среднего мира заметно и значительно расходятся с государственными границами России» [4. С. 17]. Этническая и конфессиональная принадлежность являлись для него основными признаками, на основании которых он относил народы к разным мирам. Так, в случае с Норвегией и Швецией, «по сю сторону [...] преобладает и господствует восточное православие и славянский язык, славянская народность, а по ту сторону этих границ уже нет вовсе ни славянской речи и народности, ни исповедников восточного

православия, а напротив исключительно преобладают и господствуют [...] — западное христианство, преимущественно в одном из своих учений, протестантстве, и германская (собственно шведская и норвежская) речь и народность» [4. С. 17–18]. Таким образом, Ламанский признает эти границы естественными, как бы не замечая, что с российской стороны границы в этом регионе проживает совсем не славянское и не православное население — финны.

Ученый считал, что западные и южные границы России с Германией, Австро-Венгрией и Румынией «чисто политические, искусственные» [4. С. 17]. Что за этими границами «вовсе не прекращается численное преобладание господствующей в России веры или славянской речи и расы, часто той и другой вместе» [4. С. 17]. Ламанский прямо писал: «На сухопутной границе Среднего мира между Триестом и Данцигом мы пренебрегли политическими границами и отделили от собственной Европы славянские земли, подчиненные немецким династиям и правительствам» [4. С. 42]. В результате Россия на границах с Европой оказалась «окружена прусско и австрийско славянскими, а также румынскими и далее болгарскими, сербскими, турецкими и греческими землями. В этих же землях, как и в России, господствуют численно восточное христианство, и славянская речь и народность или порознь, как в Румынии и Греции, или вместе как в Болгарии, Сербии, Черной Горе, или одна лишь славянская речь и народность, как в западнославянских землях Австро-Венгрии и Пруссии» [4. С. 18].

Более детально Ламанский перечислил регионы, входящие в состав греко-славянского мира следующим образом. Средний мир, по его мнению, «включает в себя всю русскую империю [...], часть прежних польско-литовских земель Пруссии, где еще сохранилась славянская и литовская народность, часть Силезии, значительнейшую часть Чехии, всю Моравию, южную Стирию, часть Каринтии (Хорутании), всю Крайну, Горицкое графство, Истрию, все Австро-Угорские земли короны Св. Стефана с Троединым королевством, т.е. Хорватию, Славною и Далмацию, Румынское королевство, королевство Сербию, княжество Черногорское, Боснию, Герцеговину, княжество Болгарское (с Румелиею), королевство Греческое с островами, всю европейскую Турцию со включением Константинополя, с остальными греческими островами, со всем приморьем Сирии и М. Азии и с прилежащими к кавказскому наместничеству областями азиатской Турции с населением древнехристианским» [4. С. 41–42].

Дабы оправдать включение в Средний мир регионов, населенных не славянскими и не православными народами, Ламанский обращался к своего рода исторической аргументации. Он указывал: «В течение средних веков, когда на религиозные различия и сходства обращалось такое большое внимание, западные иноплеменники немцы, итальянцы, поражаемые этим сродством славян западных и восточных, давали им безразлично одно общее название, именуя их всех общим именем чужеродцами, *варварами, сарматами, вендами, славянами*, а огромное пространство земли, занятое славянами вместе с различными инородцами албанцами, волохами, мадьярами, финнами, литовцами, прозывая одним словом, — *Славию, Славениею или Славонию*» [4. С. 23]. Как видно из текста, Ламанский включал в состав греко-славянского мира и регионы, населенные не только уже упоминавшимися финнами, но и, что особенно примечательно, венграми. Ни сам Ламанский, ни его ученик и верный последователь, К.Я. Грот, посвятивший специальную работу истории населенному венграми

региону [9], не дают каких-либо пояснений, почему приверженные католицизму венгры отделяются ими от романо-германского мира и включаются в Средний мир. Пожалуй, в качестве единственного аргумента для включения венгров в греко-славянский мир выдвигался только географический фактор. Так, Грот писал: «Широкая среднедунайская низменность роднит и связывает эти земли с главным туловищем Среднего мира, с великой восточноевропейской равниной, а через нее и с среднеазиатской: она определяет их историческую судьбу и их роль по отношению к востоку и западу» [9. С. 76].

Грот, характеризуя особенности исследуемого региона, опирался на определение основного отличительно признака Среднего мира, данное Ламанским. Он отмечал, что «карпато-дунайские земли» – это «не европейский Запад и не славянский или азиатский Восток, а пестрая полоса соприкосновения, взаимного натиска, самозащиты и вечной борьбы друг другу чуждых и по существу враждебных стихий и сил на почве племенной, культурной и религиозной» [9. С. 72]. Единственным положительным фактором, который имел для славянского населения региона «погром мадьярский», было то, что он задержал «наступательное движение романо-германского мира в эту сторону» [9. С. 88]. В остальном отношении к Венгрии и венграм у славянофилов было всегда отрицательное. Особенно в негативной характеристике венгров отличился Грот, который полагал, что венгры сохранили «еще много азиатского в своей природе» [9. С. 80], не доросли «до исторической культурности», сохранили «инстинкты азиатской дикости и исключительности» и «по натуре» склонны «к фанатизму, самомнению и кичливости» [9. С. 115].

Идеальным решением было бы «ославянивание венгров», чему, по мнению того же Грота, помешала латынь, которая способствовала укреплению «западных германских влияний и римской церкви», а католическая церковь и латынь способствовали «сохранению мадьярами своей народности» [10. С. 39].

Размышляя о месте России в мировой политике, Ламанский естественно отмечал, что «влиятельное участие России» в крупных исторических событиях XIX в. «слишком известно», и ей «в нашем греко-славянском мире принадлежит освобождение двух единоверных и двух единоверных и единоплеменных России народов и образование пяти государств, из коих одно не вполне независимое (Болгария), королевств: греческого, румынского, сербского, княжеств: черногорского и болгарского» [4. С. 85]. Но далее Ламанский обращал внимание на то, что «несколько бессознательное» влияние России было, по его мнению, оказано и «на выделение в 1867 году Венгрии с Хорватией и Славонией почти в самостоятельное государство» [4. С. 85]. Ламанский даже высказывался и более определенно: «Невозможно отрицать значительной доли влияния России на образование нынешней венгерской самостоятельности» [4. С. 87]. Но венгры «не оправдали» надежд славян, «не высказали достаточного политического смысла». Они возбудили «против себя всеобщее недовольство, вражду в румынском, славянском и немецком населении Венгрии. Раздраженные, сплываемые гнетом мадьярского шовинизма, ее народности уже начинают обращаться к королю-императору с ходатайствами о высочайшей защите их от мадьяр» [4. С. 87]. Грот же считал идею «создания самостоятельной “Мадьярии”» пагубной [9. С. 128].

Однако, несмотря на подобный взгляд, Ламанский не просто относил венгров наравне с другими неславянскими православными и разноконфессиональными

народами к Среднему миру. Он утверждал: «Пусть славянство в нашем мире преобладает, но оно само распадается на несколько разновидностей, исчезновение их отнюдь нежелательно; в нашем мире имеют свое определенное место, свое призвание и разные другие племена и народности, как греки, албанцы, румыны, мадьяры [...], их сохранение и развитие в их собственных пределах точно также — дело желательное, необходимое» [4. С. 89].

Таким образом, Ламанский, включая в рамки Среднего мира народы, которые никак нельзя было причислить по этническим, конфессиональным и историко-культурным признакам к греко-славянскому миру, стремился доказать его внутреннее тесное единство.

Ученый отнюдь не ограничивался рассмотрением признаков, характерных для Среднего мира. Он предлагал читателю и свой взгляд на устройство и особенности романо-германского мира. Итак, что же представляла Европа, по его мнению, с точки зрения географической, этнической, конфессиональной и исторической?

Ламанский, «рассматривая внимательно карту восточного полушария» [4. С. 25], пришел к выводу, что западная часть континента представляет собой два полуострова. Далее он уточнял: «Два полуострова, Скандинавский и Немецко-Романский или Альпийский, с прилежащими к ним большими и малыми островами на севере и юге, при всем своем разнообразии, представляют довольно однородное целое, как бы особый мир, существенно отличный от мира собственно азиатского и так нами названного мира Среднего. Этот особый мир, по всей справедливости, может носить одно общее название западной или собственно Европы, или наконец романо-германского мира Старого Света» [4. С. 28]. Предлагал Ламанский и более дробное деление Европы на регионы. Он полагал, что «Европа так равномерно разнообразна, что довольно правильно может быть разделена на 6 почти равных между собою и самостоятельных частей: Великобритания (Англия с Шотландией и Ирландия), Франция, Испания, Скандинавия (Швеция, Норвегия, Дания), Германия и Италия» [4. С. 28–29]. О не попавших в это перечисление странах Ламанский несколько свысока заявлял: «Другие малые страны и государства, как Бельгия, Голландия, Швейцария, Португалия лишены, собственно говоря, географической, этнологической и историко-культурной самобытности и, подобно большим и малым европейским островам, Сицилии, Корсике, Сардинии, примыкают к которой-нибудь из этих больших 6 частей» [4. С. 29]. В подобном географическом характере Европы Ламанский усматривал ее отличие от греко-славянского мира. «В Среднем мире, — писал ученый, — нет вовсе той равномерности деления, как оказывается в 6 частях собственной Европы» [4. С. 46].

Далее Ламанский обращал внимание на этническое деление Европы, подчеркивая, что элементы «романский и германский, не настолько однако же смешались, чтобы совершенно слиться в однородное целое, и не настолько уже разобщены, чтобы не сходиться в множестве общих интересов и даже по частям стремиться к союзам и внешним соединениям» [4. С. 30].

Однако эти союзы не могут преодолеть глубокую этническую разделенность Старого Света. «Во все периоды европейской истории, от начала средних веков до новейшего времени, безостановочно развивается антагонизм двух главных элементов Европы, романского и германского, и двух представляемых ими

противных начал». И в результате «этот нескончаемый дуализм объясняет невозможность объединения Европы». [4. С. 30–31].

И в данном случае Ламанский в подтверждение своих выводов обращался к историческим аргументам, отсылая читателя к истории Европы средневековой и раннего нового времени. Он писал: «Долее держалось, и то отчасти, и более идеально, чем в действительности, культурное ее единство. Оно охранялось всеобщим господством римского католицизма и обязательным знакомством образованной части населения всех ее стран с языком латинским. Но с развитием отечественных языков и литератур, с восстановлением наук и особенно с реформацией, и этому культурному объединению Европы был нанесен смертельный удар» [4. С. 32].

Размышляя о современной политической жизни романо-германского мира, Ламанский утверждал, что отдельные регионы Европы склонны к еще большей разобщенности: «Все стремятся гораздо более к обособлению, чем к слиянию, и в природных условиях своих стран находят больше поддержек для партикуляризма, чем для единства». И при таких устремлениях «еще более труднее ожидать наклонности к объединению обеих половин Европы, романской и германской» [4. С. 31]. Ученый полагал, что рассмотренные им географический и этнический факторы являются определяющими для понимания особенностей развития романо-германского мира. Ламанский писал: «Только в расчлененности Европы на шесть почти равномерных и самостоятельных друг от друга частей и в господствующем в ее населении дуализме заключается истинная разгадка этой политической несоединимости Европы» [4. С. 32].

Подобному состоянию романо-германского мира Ламанский противопоставлял внутреннее устройство мира греко-славянского. И географический и этнический факторы различных регионов, объединенных в Средний мир, призваны, по Ламанскому, способствовать его сплочению. Так, для земель, расположенных на западных окраинах Среднего мира, характерны «громкая масса равнин и земель чисто материковых безо всяких почти морских берегов, горных ущелий и долин и затем ряд сравнительно небольших земель, каждая с своим самостоятельным характером, вследствие особенного разнообразия прорезающих их гор или окаймляющих их морских берегов» [4. С. 46]. И, как утверждал ученый, «в соответствии такому естественному сочетанию противоположностей и неравномерному распределению на самостоятельные части, сложилось и этнологическое и историко-культурное разнообразие Среднего мира. Своими особенностями оно столь же резко отличается от собственной Европы» [4. С. 46].

К важным отличительным особенностям греко-славянского мира Ламанский относил «два характерных этнографических явления». Он считал, что это «во-первых, множество и разнообразие инородческих элементов, входящих в состав греко-славянского мира, чего вовсе не замечается в историческое время в романо-германской Европе, [...] и во-вторых, крайняя неравномерность естественных составных частей, на которые распадается, в совершенную противоположность западу, господствующая племенная стихия на нашем востоке» [4. С. 65].

Ламанский констатировал, что «во всем этом племенном и культурном разнообразии выделяется резко и решительно один вид» – славяне [4. С. 46].

И, в отличие от внутреннего соперничества романцев и германцев в Европе, «совершенно иные отношения замечаются внутри славянского племени, которое одно составляет решительно преобладающий и господствующий этнический элемент в мире греко-славянском» [4. С. 65]. И вывод очевиден: «Русский народ и его язык преобладает численно, пространственно и духовно не только в племени славянском, но и целом греко-славянском мире» [4. С. 70].

Дабы завершить свой анализ принципиальных отличий внутреннего устройства мира греко-славянского от мира романо-германского, Ламанский представляет идиллическую картину: «Носитель начала общего и единства, славянство, особенно в лице русского народа, представляет собою как бы громадный крепкий кряж или ствол, а все прочие инородческие племена нашего мира являются как бы его ветвями» [4. С. 71].

Итак, Ламанский подошел к изучению особенностей греко-славянского и романо-германского миров, к их внутреннему региональному делению, к уточнению границ, разделяющих эти миры, с готовой методологической концепцией, которая к концу XIX в. уже потеряла в профессиональной науке свою популярность и выглядела явно устаревшей. Анализируя материал, он встраивал его в заранее заданную схему. Выбрав несколько исследовательских приемов, он поочередно выдвигал на первый план то один, то другой, в зависимости от того, какой из них позволял уложить результаты анализа в схему. Такой подход позволял ученому утверждать не только традиционно заявляемое профессиональное отличие мира Европы и Среднего мира, но и принципиальное отличие внутренних взаимоотношений народов, населяющих оба мира, противопоставлять единое древо Среднего мира Европе, распадающейся на враждующие и внутренне не единые романский и германский миры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Робинсон М.А.* «Патриарх русского славяноведения» В.И. Ламанский: отношение к нему и его школе как отражение состояния славистики в России и Советском Союзе // *Lo sviluppo della slavistica negli imperi europei. Развитие славяноведения в европейских империях. Материалы Международной конференции Комиссии по Истории Славистики при МКС (Verona 16–17 ottobre 2007). Milano, 2008.*
2. Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В.И. Ламанского по случаю 25-летия его ученой и профессорской деятельности. СПб., 1883.
3. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 35. Оп. 1. Д. 629.
4. *Ламанский В.И.* Три мира Азийско-Европейского материка. СПб., 1892.
5. *Робинсон М.А.* Методологические вопросы в трудах русских славяноведов конца XIX – начала XX веков. (В.И. Ламанский, П.А. Кулаковский, К.Я. Грот) // *Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы.* М., 1986.
6. *Лантева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005.
7. Переписка двух славянофилов И.С. Аксакова и В.И. Ламанского (сообщила О.В. Покровская-Ламанская) // *Русская мысль.* 1916. Кн. 12.
8. *Флоринский Т.Д.* Славяноведение. Киев, 1911.
9. *Грот К.Я.* Карпато-дунайские земли в судьбах славянства и русских исторических изучениях // *Новый сборник статей по славяноведению / Сост. и изд. учениками В.И. Ламанского.* СПб., 1905.
10. *Грот К.Я.* А.Н. Ясинский. Падение земского строя в Чешском государстве (X–XIII вв.). Киев, 1899.